

© Муронец В.С.¹, © МIRONЮК М.Г.²

Конкуренция, сотрудничество или взаимная (не)зависимость: подходы США и ЕС к регулированию и развитию технологий ИИ

***Аннотация.** Развитие и применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) можно считать одним из главных направлений соперничества Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики. Какой стратегии в отношении этой гонки будет придерживаться Европейский союз в новом электоральном цикле, начавшемся в середине 2020-х годов, пока неясно. С одной стороны, в отношении ИИ Евросоюз следует логике «регуляторной конкуренции» и так называемого «брюссельского эффекта» (примером может служить Закон об ИИ, принятый ЕС в 2024 г.), что говорит о намерении ЕС конкурировать с США и КНР (усилия которых направлены на создание скорее наиболее функционального, нежели безопасного ИИ), с другой – эффективность стратегии Брюсселя по «регуляторной конкуренции» вызывает сомнения в силу текущего отставания ЕС в области технологий ИИ.*

В статье рассматривается вопрос о том, какую именно позицию относительно развития ИИ в США занимает ЕС в настоящее время, и делаются предположения по поводу того, следует

¹ Муронец Всеволод Сергеевич – студент единого трека «магистратура-аспирантура» аспирантской школы по политическим наукам, НИУ ВШЭ (vs.s.muronets@gmail.com). ORCID: 0009-0001-9245-5429.

² МIRONЮК Михаил Григорьевич – кандидат политических наук, доцент, Департамент политики и управления, Факультет социальных наук, НИУ ВШЭ (mmironyuk@hse.ru). ORCID: 0000-0002-8183-3084.

ли воспринимать отставание ЕС от США в гонке за передовой технологией ИИ как контраргумент против стратегии «регуляторной конкуренции» и как свидетельство, что стратегия ЕС будет пересмотрена. Евросоюз действительно конкурирует с США, продолжая следовать логике «брюссельского эффекта», однако авторы статьи полагают, что отставание ЕС в области ИИ не влияет на потенциальную эффективность «регуляторной конкуренции» для международной политики Европейского союза, поскольку, во-первых, «регуляторная конкуренция» хорошо согласуется с общей стратегией международной политики ЕС, и, во-вторых, «брюссельский эффект» сможет принести полноценные плоды лишь после того, как вопрос о регулировании ИИ станет более острым (например, когда появятся прецеденты трагических событий, вызванных некорректной работой или злонамеренным использованием данных технологий).

Ключевые слова: ЕС, США, КНР, искусственный интеллект, гонка вооружений, регулирование, «брюссельский эффект».

Соперничество Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики в области развития и применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) иногда сравнивают с гонкой ядерных вооружений между США и СССР в период холодной войны [Geist, 2016 ; Kissinger, Allison, 2023 ; Bega, 2023]. 21 января 2025 г., на следующий день после инаугурации, 47-й президент США Д. Трамп объявил о запуске мегапроекта «Звездные Врата» (англ. «Stargate») по развитию технологий ИИ в США, на который его администрация пообещала выделить 0,5 трлн долл. [President Trump announces ... , 2025]. Ответственность за реализацию проекта была возложена на основные компании, прямо или косвенно связанные с разработкой ИИ, такие как OpenAI и Oracle, а первую инвестицию в проект обещал сделать японский банк SoftBank [Announcing ... , 2025]. Вскоре после этого в КНР была выпущена большая языковая модель (англ. Large Language Model, LLM) DeepSeek версии V3 вместе с общедоступным чат-ботом, догнавшая по функциональности передовые модели американского производства и потребовавшая для своего создания, по заявлениям разработчиков, всего 5576 млн долл. [DeepSeek-V3 technical ... , 2025, p. 5] (в противовес млрд долл., затраченных в США на обучение моделей сравнимой функциональности). Вслед за этим Банк Китая объявил, что будет ежегодно выделять на развитие ИИ один трлн юаней (или 137 млрд долл.) в течение следующих пяти лет [Abyazov, 2025],

что в целом сравнимо с суммой, которую обещает выделить SoftBank на проект «Stargate» в качестве первого шага для реализации этого проекта [Announcing ... , 2025].

Появление DeepSeek-V3 вызвало ажиотаж в американских СМИ [Goldman, Egan, 2025 ; Metz, 2025 ; De Vynck, Kelly, Timsit, 2025], закрепив общую обеспокоенность стремительным экономическим и технологическим развитием КНР. Очевидными проявлениями нарастающей тревоги стали агрессивные технологические санкции США по отношению к Китаю [Harrell, 2025], а также многочисленные заявления, сделанные 47-м президентом США и влиятельными представителями военно-промышленного сектора [President Trump announces ... , 2025 ; Swayne , 2025 ; Vincent, 2025].

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время США уже вовлечены в противоборство с Китаем в области разработок ИИ (не в последнюю очередь – из-за его военного потенциала). Но пока не вполне ясно, какую позицию по отношению к этому соперничеству занимает Европейский союз. О чем свидетельствуют официальные меры ЕС в отношении ИИ – о сотрудничестве с США, конкуренции с ними или попытке сделать нечто свое? В настоящей статье мы попробуем дать ответ на этот вопрос.

До появления ChatGPT версии 3.5 – первого продукта компании OpenAI, предназначенного для широкой аудитории, – академические дискуссии о регулировании ИИ касались скорее нормативных, нежели практических вопросов и почти не учитывали политическое измерение подобного регулирования, поскольку сама технология в существовавших на тот момент формах не обещала ни большой выгоды, ни значительных рисков. Основу академического дискурса в этой области составляли теории «регуляторной конкуренции» [Smuha, 2021] и так называемого «брюссельского эффекта» [Siegmann, Anderljung, 2022]. В дискуссиях проводились аналогии с регулированием использования персональных данных при помощи Общего регламента ЕС по защите данных [Regulation (EU) 2016/679 ... , 2016], опубликованного 27 апреля 2016 г. Термин «брюссельский эффект» ввела в научный оборот профессор Юридической школы Колумбийского университета А. Брэдфорд [Bradford, 2020]). Смысл «брюссельского эффекта» достаточно ясен: государствам может быть выгодно выступать в качестве лидеров жесткого регулирования, способствующего безопасности технологий, в таком случае поскольку локальные производители окажутся лучше приспособлены к регулированию, нежели ино-

странные, и, следовательно, будут иметь преимущество в процессе создания наиболее функциональных технологий [Smuha, 2021, р. 75]. В частности, Общий регламент ЕС по защите данных действительно предоставил европейским производителям преимущество перед иностранными [Bradford, 2020].

Однако после появления первой общедоступной версии ChatGPT лидирующие позиции в области ИИ заняли нейросети из США и КНР, разработчики которых сделали акцент на производительности в противовес безопасности. Тем не менее ЕС продолжил следовать логике, принесшей ему успех ранее, и в 2024 г. опубликовал свой основной законопроект, посвященный регулированию ИИ, – «Закон об ИИ» [Regulation (EU) 2024/1689 ... , 2024].

С тех пор диспозиции США, КНР и ЕС принципиально не изменились. При обсуждении проблем, связанных с регулированием ИИ, акцент сместился с нормативно-философских вопросов (к примеру, касавшихся «регуляторной конкуренции» или кооперации [Houser, Raymond, 2021]) на вопросы международной конкуренции при создании наиболее функционального ИИ (в силу его военного потенциала) [Kugus, 2024].

В настоящей статье мы также постараемся дать ответ на вопрос о том, можно ли ожидать, что ЕС отбросит тактику «регуляторной конкуренции» и вступит в открытое соперничество с США и КНР за лидерство в функциональности ИИ, и выскажем предположения по поводу того, насколько уместным может быть такое решение со стратегической точки зрения.

Искусственный интеллект: польза, риски, необходимость регулирования

Технологии ИИ могут быть полезны для акторов мировой политики с нескольких точек зрения. Во-первых, ИИ значительно повышает военный потенциал государств [Possibilities and challenges ... , 2018], позволяя создавать высокотехнологичные системы вооружений с возможностями автоматической идентификации целей, самонаведения и автономного передвижения. Во-вторых, ИИ может заменить находящуюся в дефиците рабочую силу более дешевым аналогом – как в виде автономной робототехники (на той или иной ступени развития), заменяющей ручной труд, так и в виде исключительно виртуального ИИ в области интеллектуального труда (также возможна комбинация обоих видов) [Acemoglu, Restrepo, 2020]. В-третьих, ИИ может дать государствам и объединениям

государств новые возможности для контроля над гражданами, – например, с помощью интенсификации наблюдения за людьми как в виртуальном, так и материальном мире, или посредством автоматизации техник наказания (от назначения штрафов до непосредственного физического обезвреживания нарушителей) [Roberts, Oosterom, 2024]. Таким образом, ИИ может быть привлекателен для государств как ресурс для укрепления внешней и внутренней политики. Соперничество за место мирового лидера, главными претендентами на которое являются США и КНР (см., напр.: [Ni, 2020]), вобрало в себя также борьбу за более совершенный ИИ.

Однако использование ИИ связано с определенными опасностями [The AI risk ... , 2024, p. 31–32], вызывающими тревогу у общественности и экспертов, что порождает призывы к регулированию технологии. В своем наиболее развитом на данный момент виде, а именно, в виде LLM, ИИ нередко создает «контент» предубежденного содержания – как с точки зрения различных социальных стереотипов, так и с точки зрения политических повесток и идеологий. Эта проблема усугубляется объективными трудностями в объяснении процесса «мышления» LLM, который не могут реконструировать даже специалисты в данной области. Для решения этих проблем ИИ-разработчики пытаются, например, выставлять фильтры на ответы моделей (что само по себе нередко генерирует новые предубеждения [Urman, Makhortykh, 2025]), или создавать модели, способные объяснять ход решения поставленных перед ними задач (однако пока они делают это в абстрактном ключе¹). Обе эти проблемы порождают опасения, связанные с возможностью контролировать «необъяснимую» и предубежденную модель; а сама предубежденность моделей также вызывает озабоченность относительно ее возможного использования для пропаганды определенных взглядов.

Есть и другие проблемы, связанные с использованием ИИ (см., напр.: [The AI risk ... , 2024]). Так, некорректное использование ИИ может нарушать права индивидов на защиту своих персональных данных и приводить либо к случайным утечкам, либо к преднамеренной (и, без должного регулирования, никак не ограниченной) про-

¹ Например, сгенерированное по соответствующему запросу описание хода «размышлений» передовой модели от OpenAI – OpenAI o3-mini – представляет собой скорее его краткое удобочитаемое изложение, нежели подробное описание процесса, действительно стоящего за генерацией ответа [OpenAI o3-mini ... , 2025].

даже такой информации. Кроме того, генерация «контента» со стороны ИИ может нарушать авторские права и права на идентичность, если «обучение» ИИ происходило на основе авторских произведений, изображений, аудио- и видеозаписей, в которых наличествуют стиль и художественные особенности, свойственные определенным авторам: модель «обучается» имитировать эти особенности, лишая заработка людей, профессионально занимающихся творчеством, попутно заполняя интернет-пространство ложными изображениями и ложными видео- и аудиозаписями выступлений публичных личностей. ИИ может применяться для мошеннических операций и политических манипуляций, использоваться в массированных кибератаках и террористических актах. Помимо прочего, в экспертном сообществе обсуждают опасности, связанные с тем, как может ИИ повлиять на общество, если получит большую автономность или будет применяться для управления масштабными проектами (например, системами, ответственными за состояние окружающей среды) и при этом выйдет из-под человеческого контроля или будет целенаправленно использоваться во вред человечеству [Managing extreme ... , 2024, p. 844].

И огромная польза от ИИ для государств и их объединений, и значительные риски, связанные с этой технологией и вызывающие беспокойство и недовольство общественности, являются причинами особого интереса к развитию ИИ со стороны политических элит. Руководство государств и союзов может оказывать воздействие на технологию двумя способами: либо содействуя повышению производительности технологии и расширению сферы ее применения, либо способствуя повышению ее безопасности. В обоих случаях государства и союзы могут выступать в двух ролях – как инвесторы и (или) как регуляторы. Так, выступая в качестве инвесторов, государства и союзы могут выделять бюджетные средства на обучение узкоспециализированных кадров и создание дата-центров, необходимых для обучения моделей, спонсировать эффективные решения по повышению производительности моделей и т.п. – либо выделять средства на реализацию новых идей для повышения безопасности моделей, а также для повышения «цифровой грамотности» граждан, отдавать инвестиционные предпочтения более безопасным предприятиям по сравнению с более эффективными, оплачивать создание более безопасных технологий для использования в государственных учреждениях и т.д. А выступая в качестве регуляторов, государства и союзы могут осуществлять схожие действия посредством законотворчества. Однако

если при проведении определенной инвестиционной (бюджетной) политики, ее отдельные элементы могут дополнять друг друга, то в случае введения регуляторных ограничений между отдельными элементами регулируемой системы вынужденно возникает иерархия приоритетов. Что же касается ИИ, то в данном случае возможность повторения успеха «брюссельского эффекта» вызывает вполне обоснованные сомнения [Pagallo, 2023 ; Kucus, 2024, p. 51–52].

ЕС в «гонке ИИ»: «брюссельский эффект» против дерегулирования и функциональности

Как было сказано ранее, новая администрация США, обещая выделить суммарно 0,5 трлн долл. в рамках проекта «Stargate», стремится укрепить позиции страны в борьбе за самый передовой ИИ и удержать в США лучшие технологии, поскольку «Китай является конкурентом, и остальные также являются конкурентами» [President Trump announces ... , 2025]. В отличие от предыдущей администрации президента Дж. Байдена, инициировавшей масштабные дискуссии относительно безопасности LLM (особенно с ноября 2022 г., когда был выпущен ChatGPT версии 3.5), администрация Д. Трампа решила отказаться от акцента на создании более безопасного ИИ в пользу создания более функциональных ИИ-технологий [Amiri, Lee, Tang, 2025], рассматривая главное распоряжение предыдущего президента в области ИИ – Исполнительный указ 14110 [Executive order 14110 ... , 2023] – как «преграду» для лидерства США в этой сфере [Removing barriers ... , 2025]. На фоне опасений по поводу существенного роста военной мощи КНР в связи с развитием ИИ новая администрация переносит акцент на военные возможности данной технологии [Mike Waltz wants ... , 2024 ; US officials ... , 2025 ; Amiri, Lee, Tang, 2025 ; Vincent, 2025]. Предыдущая администрация скорее склонялась к оказанию давления на «небольшое число доминирующих интернет-платформ», которые «используют свою власть, чтобы исключать новых участников рынка, извлекать монополистскую прибыль и собирать конфиденциальную персональную информацию, которую можно использовать в своих интересах» [Executive order 14036 ... , 2021, p. 36987]. Тем не менее акцент на военном потенциале ИИ делался уже тогда: например, в Исполнительном указе 14110 неоднократно упоминаются риски, которыми чревато военное использование ИИ-технологий [Executive order 14110 ... , 2023, p. 75200, 75201, 75204, 75205].

Одновременно Белый дом либо позиционировал США в качестве лидера в сфере ИИ, либо подчеркивал, что США должны завоевать лидерские позиции в этой области [Ibid., p. 75192, 75223 ; Hawley, 2025]. Таким образом, можно считать, что в вопросах регулирования ИИ-технологий американская администрация уже с 2022 г. ставила акцент на их военном и экономическом потенциале для установления (или поддержания) лидерства США в этой сфере.

Что же касается Евросоюза, то главный регуляторный акт ЕС в отношении ИИ – Закон об ИИ – был принят еще предыдущим составом Европарламента 13 марта 2024 г., утвержден Европейским советом 21 мая 2024 г., а введен в действие 1 августа 2024 г.¹, уже при новом составе Европарламента, сформированном в результате выборов в июне 2024 г. В отличие от другого европейского регуляторного акта, так называемого «Общего регламента по защите персональных данных», в котором делался больший акцент на доходности и возможностях государств, этот закон отдает предпочтение безопасности пользователей.

В новом Законе об ИИ ЕС открыто выражает свое стремление не только поощрять развитие наиболее этичного и «человеко-центричного» ИИ, но и занять лидерские позиции на этом направлении: «данный регламент удостоверяет, что ЕС собирается продвигать европейский человеко-центричный подход к ИИ и намерен стать мировым лидером в разработке безопасного, надежного и этичного ИИ, согласно указаниям Европейского совета» [Regulation (EU) 2024 / 1689 ... , 2024, Recital 8]. В документе вообще не говорится о необходимости противостоять иностранным угрозам посредством создания наиболее функционального ИИ; основной акцент делается на том, что нужно вынудить иностранных разработчиков ИИ (в том числе, очевидно, КНР) подстраиваться под требования европейского закона: «для обеспечения равных условий и эффективной защиты прав и свобод физических лиц по всему Союзу правила, установленные данным Регламентом, должны применяться к поставщикам систем ИИ на недискриминационной основе, независимо от того, находятся ли они в пределах Союза или в странах за его пределами» [Ibid., Recital 21]. Учитывая, что ЕС – это весьма значительный рынок, такие требо-

¹ То есть через 20 дней после его публикации 13 июля 2024 г. [Regulation (EU) 2024 / 1689 ... , 2024, Article 113]. Отдельные части Закона об ИИ, впрочем, будут вступать в силу постепенно, чтобы разработчики смогли подготовиться.

вания действительно могут вынудить разработчиков ИИ, стремящихся распространять свой продукт на территории ЕС, пересмотреть политику относительно безопасности производимой ими технологии; при этом европейские разработчики, вынужденные изначально подстраиваться под эти требования, получают преимущество, – конечно, только в том случае, если ЕС реализует свое стремление стать лидером в производстве наиболее безопасного ИИ.

В целом такой подход полностью согласуется с описанной выше логикой «брюссельского эффекта». Но следует отметить, что в случае пользовательских китайских ИИ-проектов эта стратегия не работает, поскольку внутренний рынок КНР достаточно велик, чтобы быть самодостаточным. В случае же проектов, которые создаются преимущественно для экспорта, регуляторные меры, предложенные ЕС, гипотетически могут сработать. Впрочем, есть свидетельства в пользу того, что европейский (как и американский) рынок вообще не представляет особого интереса для ИИ-разработчиков из КНР [Yang, 2024].

Таким образом, можно утверждать, что в сфере регулирования ИИ Евросоюз в большей степени фокусирует внимание на повышении безопасности технологии, чем на ее производительности и функциональности. Возможно, это связано с тем, что позиции ЕС в сфере высоких цифровых технологий слабее, чем у КНР и США; поэтому ЕС стремится занять нишу, где США не смогут составить ему конкуренцию, поскольку соперничество с КНР вынуждает их делать акцент на функциональности ИИ (по крайней мере, до тех пор, пока безопасность и функциональность ИИ входят в противоречие). В пользу этого объяснения свидетельствует обещание ЕС выделить 56 млн долл. на разработку европейской LLM с открытым исходным кодом. Следуя собственной повестке, ЕС обещает создать этичную модель, но, поскольку обещание было сделано вскоре после выхода «дешевой» китайской модели DeepSeek-V3, можно предположить, что ЕС, не имея таких объемов ресурсов для разработки ИИ, какие есть у США и КНР, нашел возможность обойти это ограничение и принять участие в «гонке» наравне с двумя мировыми лидерами (что косвенно подтвердил и координатор европейского проекта Я. Хаджич: «Европу вновь можно будет увидеть в гонке ИИ» [The EU is betting ... , 2025]).

В Законе об ИИ нет прямых упоминаний США или КНР. И о пользе сотрудничества, и о необходимости соответствовать

требованиям Закона говорится в одинаково инклюзивном ключе. С учетом того, что на данный момент ЕС почти не участвовал в совместных проектах с США в области ИИ¹, можно предположить, что ЕС не стремится содействовать США в соперничестве с Китаем и скорее пытается конкурировать с обеими сторонами «своими» методами, один из которых – следование логике «регуляторной конкуренции», другой – создание конкурентоспособных, но дешевых ИИ (также с элементами «регуляторной конкуренции»). С одной стороны, принятие второй стратегии свидетельствует о том, что исходная стратегия «регуляторной конкуренции» пока не оправдала ожиданий (во многом в силу ресурсных ограничений, при наглядном отставании европейских ИИ-разработок по сравнению с ИИ-технологиями США и КНР). С другой стороны, данная стратегия согласуется с общей внешнеполитической стратегией ЕС по укреплению своего влияния через распространение высоких стандартов защиты прав и свобод [Khaliq, 2008].

Но стоит ли ЕС полностью отказываться от первой стратегии? Сомнения в том, что на разработку DeepSeek-V3 действительно потребовалось лишь 5,6 млн долл. [DeepSeek debates ... , 2025] (этому противоречат огромные суммы, которые КНР планирует выделить на развитие ИИ, казалось бы, зачем, если DeepSeek стоил так дешево?), а также сохраняющееся превосходство США и Китая в области ИИ-технологий, похоже, подталкивают руководство ЕС к мысли о том, что «старая» стратегия «регуляторной конкуренции» все-таки может оказаться более полезной, чем «новая» (вероятно, именно поэтому в «новой» стратегии сохранены многие элементы «старой»). Опыт гонки ракетно-ядерных вооружений показывает, что, с одной

¹ Исключение составляет проведение 10–11 февраля 2025 г. ИИ-саммита в Париже, куда была приглашена делегация США. Однако США не приняли предложение ЕС сделать акцент на сотрудничестве в области создания более безопасного ИИ; ЕС же, в свою очередь, отказался содействовать США в конкуренции с КНР посредством приоритизации функциональности над безопасностью [Scott, 2025]. Все это подтверждает наше предположение, что ЕС скорее конкурирует с США при помощи альтернативной стратегии «регуляторной конкуренции», нежели сотрудничает с ними. Хотя во время президентства Дж. Байдена ЕС и США начали налаживать кооперацию в противостоянии с КНР [Трунов, 2024, с. 21 ; Biba, 2025], сейчас оба актора, похоже, не собираются отказываться от своих стратегий относительно регулирования ИИ ради углубления сотрудничества.

стороны, наиболее развитые в отношении передовой и предельно опасной технологии участники гонки действительно обретают наивысшее могущество по сравнению со всеми остальными, а с другой – что серьезно вопрос о жестком регулировании опасной технологии может быть поставлен лишь после некоторых масштабных и трагических событий, сравнимых с атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. (и дополненных сопоставимой конкуренцией нескольких держав в данной области).

В «гонке ИИ» ЕС действительно может получить преимущество от следования стратегии «регуляторной конкуренции». Но размер выигрыша в значительной степени будет зависеть от того, насколько США и КНР успеют обойти Евросоюз к тому моменту, когда участники «гонки» всерьез задумаются о необходимости жесткого регулирования ИИ-технологий. Иными словами, эффективность стратегии «регуляторной конкуренции» для ЕС станет ясна со временем.

Несмотря на отставание от США и КНР в «гонке» за создание наиболее производительного ИИ, ЕС может в итоге получить преимущество, продолжая следовать логике «регуляторной конкуренции», – особенно, если дерегулирование ИИ приведет к трагическим последствиям в силу либо некорректной работы ИИ-технологии, либо ее злонамеренного использования в будущем. Возможно, придерживаться этой – пока еще проигрышной – стратегии Евросоюзу помогает и то, что такая политика соответствует общей внешнеполитической стратегии ЕС в целом.

Обещания ЕС выделить средства (малые по сравнению с суммами, которые планируют выделить на схожие проекты США и КНР) на развитие безопасного европейского ИИ с открытым исходным кодом также согласуются с логикой «брюссельского эффекта». Отказ от непосредственного содействия США в их соперничестве с КНР свидетельствует о том, что в текущем электоральном цикле ЕС планирует конкурировать с обоими лидерами «гонки», – но делая при этом упор не на обеспеченность ресурсами, необходимыми для создания наиболее функционального ИИ, а на ужесточении регулирования технологии.

Возможно, когда европейский Закон об ИИ вступит в силу в полном объеме, «брюссельский эффект» сыграет свою роль, – до то-

го, как дерегулирование технологии в других частях света приведет к трагическим событиям. Однозначно судить о том, насколько выигрышной окажется стратегия ЕС в случае ИИ, можно будет только со временем, но, если учитывать скорость развития ИИ-технологий и их востребованность в области безопасности, не исключено, что это время уже довольно близко.

Литература / References

Трунов Ф.О. (2024). Динамика противостояния США с КНР и позиция европейских государств // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4 – С. 7–26 [Trunov Ph.O. (2024). The dynamics of the US–PRC competition and the positions of the European states [*Dinamika protivostoyaniya SShA s KNR i pozitsiya evropeiskikh gosudarstv*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 7–26]. (In Russian).

Abyazov E. (2025). China spends \$137.5 billion for the AI race // Coinpaper. – 27.01. – URL: <https://coinpaper.com/7171/china-spends-137-5-billion-for-the-ai-race> (date of access: 14.03.2025).

Acemoglu D., Restrepo P. (2020). The wrong kind of AI? Artificial intelligence and the future of labour demand // Cambridge j. of regions, economy and society. – Cambridge : Cambridge univ. press. – Vol. 13, Issue 1. – P. 25–35.

Amiri F., Lee M., Tang D. (2025). Marco Rubio warns China is America's «biggest threat», affirms value of NATO alliance // Associated Press. – New York. – 15.01. – URL: <https://apnews.com/article/marco-rubio-trump-secretary-state-senate-nomination-7ad1ad16ed95a213706c18b613b630b5> (date of access: 14.03.2025).

Announcing the Stargate Project. (2025) / SoftBank. – Washington, D.C. – 21.01. – URL: <https://group.softbank/en/news/press/20250122> (date of access: 14.03.2025).

Bega M. (2023). The new arms race between China and the US : a comparative analysis of AI-powered military and economic pursuits // Europolity : continuity and change in European governance. – Bucharest. – Vol. 17, Issue 2. – P. 75–109.

Biba S. (2025). The European Union's place in United States–China strategic competition : how role dynamics drive Brussels towards Washington // J. of common market studies. – Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. – Vol. 63, Issue 1. – P. 71–88.

Bradford A. (2020). The Brussels effect : how the European Union rules the world. – Oxford : Oxford univ. press. – 424 p.

DeepSeek debates : Chinese leadership on cost, true training cost, closed model margin impacts. (2025) / Patel D., Kourabi A., O'Laughlin D., Knuhtsen R. // SemiAnalysis. – Denver, CO. – 31.01. – URL: <https://semianalysis.com/2025/01/31/deepseek-debates/> (date of access: 14.03.2025).

DeepSeek-V3 technical report. (2025) / DeepSeek. – 18.02. – 53 p. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2412.19437> (date of access: 14.03.2025).

De Vynck G., Kelly H., Timsit A. (2025). What is DeepSeek, the Chinese AI app challenging OpenAI and Silicon Valley? // Washington Post. – Washington, D.C. – 28.01. – URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2025/01/27/what-is-deepseek-ai-china-us-stock-fears/> (date of access: 14.03.2025).

Executive order 14036 : promoting competition in the American economy. (2021) / US Federal Register. – Washington, D.C. – Vol. 76, N 132. – 14.07. – P. 36987–36999. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-07-14/pdf/2021-15069.pdf> (date of access: 14.03.2025).

Executive order 14110 : safe, secure, and trustworthy development and use of artificial intelligence. (2023) / US Federal Register. – Washington, D.C. – Vol. 88, N 210. – 01.11. – P. 75191–75226. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2023-11-01/pdf/2023-24283.pdf> (date of access: 14.03.2025).

Geist E.M. (2016). It's already too late to stop the AI arms race – we must manage it instead // Bulletin of the atomic scientists. – Chicago, IL. – Vol. 72, Issue 5. – P. 318–321.

Goldman D., Egan M. (2025). A shocking Chinese AI advancement called DeepSeek is sending US stocks plunging // CNN. – New York. – 27.01. – URL: <https://edition.cnn.com/2025/01/27/tech/deepseek-stocks-ai-china/index.html> (date of access: 14.03.2025).

Harrell P.E. (2025). Managing the risks of China's access to US data and control of software and connected technology / Carnegie Endowment for International Peace. – Washington, D.C. – 46 p. – URL: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/Harrell_US-China%20Data%20Regulation.pdf (date of access: 14.03.2025).

Hawley M. (2025). New AI policies from Biden : what they mean for the US and the world // CMSWire. – San Francisco, CA. – 15.01. – URL: <https://www.cmswire.com/ai-news/new-ai-policies-from-biden-what-they-mean-for-the-us-and-the-world/> (date of access: 14.03.2025).

Houser K.A., Raymond A.H. (2021). It is time to move beyond the «AI race» narrative : why investment and international cooperation must win the day // North-western j. of technology and intellectual property / Northwestern univ. – Evanston, IL. – Vol. 18, Issue 2. – P. 129–185.

Khalik U. (2008). The ethical foreign policy of the European Union : a legal appraisal. – Cambridge : Cambridge univ. press. – 504 p.

Kissinger H.A., Allison G. (2023). The path to AI arms control // Foreign affairs / Council on foreign relations. – New York. – 13.10. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/henry-kissinger-path-artificial-intelligence-arms-control> (date of access: 14.03.2025).

Kuruc M. (2024). Geopolitics of artificial intelligence : development and regulation in the age of AI race // SAIS review of international affairs / SAIS, Johns Hopkins univ. – Washington, D.C. – Vol. 44, Issue 2. – P. 47–55.

Managing extreme AI risks amid rapid progress / Bengio Y., Hinton G., Yao A., Song D., Abbeel P., Darrell T., Harari Y.N., Zhang Y.-Q., Xue L., Shalev-Shwartz Sh., Hadfield G., Clune J., Maharaj T., Hutter F., Baydin A.G., McIlraith Sh., Gao Q., Acharya A., Krueger D., Dragan A., Torr Ph., Russell S., Kahneman D., Brauner J., Mindermann S. // Science / American Association for the Advancement of Science. – Washington, D.C. – Vol. 384, Issue 6698. – P. 842–845.

Metz C. (2025). What to know about DeepSeek and how it is upending AI // New York Times. – New York. – 27.01. – URL: <https://www.nytimes.com/2025/01/27/technology/what-is-deepseek-china-ai.html#link-501791a0> (date of access: 14.03.2025).

Mike Waltz wants America to focus on the threat from China. (2024) // *The Economist*. – London. – 13.11. – URL: <https://www.economist.com/united-states/2024/11/13/mike-waltz-wants-america-to-focus-on-the-threat-from-china> (date of access: 14.03.2025).

Ni A.J. (2020). Leadership and power game in a multi-polarizing world : the competition between the US and China // *Open j. of political science*. – Glendale, CA : Scientific Research Publishing (SCIRP). – Vol. 10, Issue 2. – P. 253–277.

OpenAI o3-mini : pushing the frontier of cost-effective reasoning. (2025) / OpenAI. – San Francisco, CA. – 31.01. – URL: <https://openai.com/index/openai-o3-mini/> (date of access: 14.03.2025).

Pagallo U. (2023). Why the AI Act won't trigger a Brussels effect // *AI approaches to the complexity of legal systems / Social Science Research Network (SSRN)*. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID4696148_code3229500.pdf?abstractid=4696148&mirid=1&type=2 (date of access: 14.03.2025).

Possibilities and challenges for artificial intelligence in military applications. (2018) / Svenmarck P., Luotsinen L., Nilsson M., Schubert J. // *Proceedings of the NATO big data and artificial intelligence for military decision making specialists' meeting*. – Bordeaux. – URL: https://www.researchgate.net/publication/326774966_Possibilities_and_Challenges_for_Artificial_Intelligence_in_Military_Applications (date of access: 14.03.2025).

President Trump announces «Stargate» venture to invest \$500 billion in AI infrastructure. (2025) // *ABC News*. – New York. – 22.01. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=E3HS_LwNKps&t=47s (date of access: 14.03.2025).

Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). (2016) // *Official j. of the European Union / European Parliament*. – Brussels. – 27.04. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R0679-20160504&qid=1532348683434> (date of access: 14.03.2025).

Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). (2024) // *Official j. of the European Union / European Parliament*. – Brussels. – 13.07. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (date of access: 14.03.2025).

Removing barriers to American leadership in artificial intelligence : executive order. (2025) / *The White House*. – Washington, D.C. – 23.01. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence/> (date of access: 14.03.2025).

Roberts T., Oosterom M. (2024). Digital authoritarianism : a systematic literature review // *Information technology for development*. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02681102.2024.2425352> (date of access: 14.03.2025).

Scott M. (2025). At Paris AI Summit, US, EU, other nations lay out divergent goals // Tech Policy Press. – Bristol. – 11.02. – URL: <https://www.techpolicy.press/at-paris-ai-summit-us-eu-other-nations-lay-out-divergent-goals/> (date of access: 12.02.2025).

Siegmann C., Anderljung M. (2022). The Brussels effect and artificial intelligence : how EU regulation will impact the global AI market / Cornell univ. – Ithaca, NY. – 23.08. – URL: <https://arxiv.org/abs/2208.12645> (date of access: 14.03.2025).

Smuha N.A. (2021). From a «race to AI» to a «race to AI regulation» : regulatory competition for artificial intelligence // Law, innovation and technology. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 13, Issue 1. – P. 57–84.

Swayne M. (2025). CIA nominee highlights Quantum, AI as pivotal to national security // Quantum Insider. – Toronto. – 16.01. – URL: <https://thequantuminsider.com/2025/01/16/cia-nominee-highlights-quantum-ai-as-pivotal-to-national-security/> (date of access: 14.03.2025).

The AI risk repository : a comprehensive meta-review, database, and taxonomy of risks from artificial intelligence. (2024) / Slattery P., Saeri A.K., Grundy E.A.C., Graham J., Noetel M., Uuk R., Dao J., Pour S., Casper S., Thompson N. – 79 p. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2408.12622> (date of access: 14.03.2025).

The EU is betting \$56 million on open source AI. (2025) / Forbes. – Jersey City, NJ. – 06.02. – URL: <https://www.forbes.com/sites/iaimartin/2025/02/02/the-eu-is-betting-56-million-on-open-source-ai/> (date of access: 14.03.2025).

Urman A., Makhortykh M. (2025). The silence of the LLMs : cross-lingual analysis of guardrail-related political bias and false information prevalence in ChatGPT, Google Bard (Gemini), and Bing Chat // Telematics and informatics. – Amsterdam : Elsevier. – Vol. 96. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0736585324001151> (date of access: 14.03.2025).

US officials will visit Europe for key security and AI summits. (2025) // Belga News Agency. – Brussels. – 08.02. – URL: <https://www.belganewsagency.eu/us-officials-will-visit-europe-for-key-security-and-ai-summits> (date of access: 14.03.2025).

Vincent B. (2025). Trump's defense secretary nominee pledges to prioritize AI investments // DefenseScoop. – Washington, D.C. – 14.01. – URL: <https://defensescoop.com/2025/01/14/trump-pete-hegseth-defense-secretary-nominee-pledges-prioritize-ai-investments/> (date of access: 14.03.2025).

Yang D.Y. (2024). China : autocracy 2.0. / National Bureau of Economic Research. – Cambridge, MA. – URL: <https://www.nber.org/papers/w32993> (date of access: 14.03.2025).

© Muronets V.S.¹, © Mironyuk M.G.²

Competition, cooperation, or mutual (in)dependence: approaches of the US and the EU to AI regulation and development

Abstract. *The development and application of artificial intelligence (AI) technologies can be considered one of the main areas of rivalry between the USA and China. But it is still unclear what strategy the EU will pursue in this race in the new electoral cycle that began in the mid-2020s.*

On the one hand, in relation to AI, the EU follows the logic of «Brussels effect» and «regulatory competition» (an example is the Artificial Intelligence Act adopted by the EU in 2024), suggesting the EU's intention to compete with the US and China (whose efforts are aimed at creating the most functional rather than safe AI); on the other hand, the effectiveness of Brussels' strategy is questionable given the EU's current lag in the field of AI technologies.

The article examines the question of what position the EU currently takes regarding AI developments in the US and speculates on whether the EU's lag behind the US in the race for advanced AI technology should be seen as a counterargument to the «regulatory competition» strategy and as evidence that the EU's strategy will be revised. The EU does indeed compete with the US following the logic of «Brussels effect», but the authors believe that the EU's lag in the field of AI does not affect the potential effectiveness of «regulatory competition», since, firstly, this strategy is well aligned with the EU's general strategy for conducting international policy, and, secondly, «Brussels effect» will be able to bear fruit only after the issue of AI regulation becomes more acute (for example, precedents of tragic events caused by AI malfunctions or misuse will emerge).

Keywords: *EU, USA, China, artificial intelligence, arms race, regulation, «Brussels effect».*

Статья поступила в редакцию (Received) 202.02.2025

Доработана после рецензирования (Revised) 27.02.2025

Принята к публикации (Accepted) 04.03.202

¹ **Muronets Vsevolod Sergeevich** – Student of the joined master's-PhD programme, PhD School of Political Science, HSE University (vs.s.muronets@gmail.com). ORCID: 0009-0001-9245-5429.

² **Mironyuk Mikhail Grigorievich** – PhD in Political Science, Associate Professor, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University (mmironyuk@hse.ru). ORCID: 0000-0002-8183-3084.